

УДК 94(476) «15/17»

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЕВА В XVI – XVII ВЕКА

Н.Н. АЛЕКСЕЙЧИКОВА

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматривается одна из мало изученных проблем – имущественные взаимоотношения в семьях горожан в XVI – XVII века. Освещаются вопросы, касающиеся различных видов собственности семьи, права членов семьи, в первую очередь супругов, по отношению к имеющемуся в семье имуществу. Исследуются взаимоотношения, возникающие между близкими людьми в результате реализации своих имущественных прав, а также конфликтные ситуации между различными категориями родственников и обусловленные их имущественными претензиями по отношению друг к другу. Исследования актовых книг Могилевского магистрата позволяют сделать выводы об имущественных взаимоотношениях в семье в XVI – XVII века. Рассматриваемые вопросы позволяют не только рассмотреть экономическую составляющую семейной жизни наших предков, но и лучше понять атмосферу, которая складывалась в семьях белорусских горожан в XVI – XVII веках.

Введение. Матримониальное поведение жителей белорусских городов, в том числе и Могилева, является мало изученной проблемой. В отечественной исторической науке имеется ряд работ, в которых рассматриваются некоторые вопросы, затрагивающие историю семьи и семейных взаимоотношений горожан в XVI – XVII века [2 – 5, 9, 10]. К сожалению, ни одна из этих работ не обращается к проблеме имущественных взаимоотношений в семье. Исследование данной стороны семейной жизни является важной задачей, поскольку эти отношения, складывавшиеся между членами семьи, являются, с одной стороны, неотъемлемой частью жизнедеятельности семьи, с другой, влияя на межличностные отношения в целом, – позволяют лучше понять атмосферу, которая складывалась в семьях наших предков.

Данная статья направлена на изучение имущественных взаимоотношений в семьях горожан в XVI – XVII века. Прежде всего статья освещает вопросы, касающиеся различных видов собственности семьи, права членов семьи, в первую очередь супругов, по отношению к имеющемуся в семье имуществу. Кроме того, здесь затрагивается и проблема межличностных взаимоотношений между родственниками.

Имущественные взаимоотношения в семье в XVI – XVII века. Актовые книги Могилевского магистрата содержат богатейший материал, позволяющий нам пролить свет на имущественные взаимоотношения, которые складывались в семьях наших предков в XVI – XVII века. В рассматриваемое время имущество семьи могло состоять из нескольких составляющих. Прежде всего, это имущество, которым обладал мужчина при заключении брачного союза, и внесение, которое принесла в качестве приданного молодая жена. Последнее могло в свою очередь состоять как из движимого (деньги, украшения, постель, одежда и т.п.) «...Гришко Мартинович, мещанин Могилевски, созналь (...) иж взять от славутого пана Лукяна Михайловича Пилка, мещанина ж Могилевского, по жене своей Домъне в посажку поступленыхъ двадцат копъ гр(о)шей монеты и личбы литовское и скутечне отличоных...» [1, с. 165], так и недвижимого имущества: «...мещанин (...) Овсей Левкович жаловал на Мишка Лукяновича Орла, зятя своего, о дом, в котором на тот час мешкает, иж поступити не хочет (...) На што (...) зять его Мишко Орл, так отказал: иж ему тот дом часу того, кгда Овсей дочку свою, Овдотю, за него отдавал в стан святого малженства, за нею ему вместо посагу даровал и поступил» [5, с. 75]. Приданное (либо вено) жены являлось ее собственностью, а потому распоряжаться им муж имел право только с согласия своей супруги: «Jeśliby też miejsce ono, na którym wiano opravione jest, żenie należało, a w posagu mężowi przyszło, tego mąż od żony oddalić nie może...» [14, S. 70]. Кроме того, горожанки, как и их супруги, работали, принося в семью доход. В частности, они могли заниматься торговлей либо являлись членами цеха (например, красильщицами): «Białym głowam, rzemiosnicom y przekupkom, ktorzy sznurki i pasy różnie farbuią, żadney przeszkody, tak w robieniu, iako y przedawaniu, tudzież y nabyciu farby (...) żaden z naszej braci czynić (...) bie będzie...»¹ [7, с. 236], либо же нанимались в услужение: «Федор Иванович Оршаница, пришедши до насъ, ураду скаржилъ на Любу Юзефовую, жидовку и на сестру его, Дню Ивановну, которая у нее летъ десять служила...» [6, с. 372]. Это обстоятельство позволяло им быть довольно независимыми в экономическом плане. В таких семьях не только супруг как глава семьи, но и его жена обладали собственным имуществом и имели право им свободно распоряжаться: «Семень Мацькович именемъ жоны своей Варки Семеновой жаловалъ и оповедалъ на учтивога Марка а Сашка Яковлевичовъ, мещанъ Могилевскихъ, о томъ ижъ они обадва (...) остали винъни на опис свой властъны копъ чотыры без ше-

¹ Пер. с польского: «Женицам, ремесльницам и торговкам, которые шнурки и пояса различные красят, препятствий как в изготовлении, таки продаже и приобретении краски (...) никто из наших братьев (...) чинить не будет».

сти гр(о)шей монеты и личбы литовской...» [1, с. 116]. Как видим, в данном деле муж выдвигает иск от имени своей жены с требованием вернуть долг. Это позволяет говорить, что здесь речь идет о деньгах, которые принадлежали именно жене, а не ее мужу, т.е. не являлись имуществом обоих супругов. А то обстоятельство, что супруг, а не его жена, подал иск в суд, было обусловлено тем, что в XVI – XVII века замужняя горожанка в соответствии с городским законодательством должна была находиться под «опекой» своего супруга. В обязанности же последнего входила защита ее прав и отстаивание интересов в суде¹. Поэтому акты Могилевского магистрата содержат значительное количество дел, в которых мужья выступают в качестве истцов от имени своих жен, в то время как последние являлись одной из сторон сделки: «*Андрея Самуилова жаловала через мужа своего Самуилу на учтивог(о) Данила Кузминича о бочку соли и о грошей...*» [1, с. 612]. В последнем случае иск подает сама женщина, а ее муж выступает только как человек, придающий ее словам больший вес. Однако стоит отметить, что временами могилевчанки самостоятельно отстаивали свои интересы, не прибегая к помощи своих супругов: «*Маря Отовкина жаловала на Хому Шакурина о копу гр(о)шей одну. А Хома Шакурин зналсе до копы гр(о)шей...*» [1, с. 610].

Однако формальная опека со стороны мужа все же накладывала некоторые ограничения на экономическую самостоятельность женщины «менжатки». В частности, она не имела права приобрести недвижимое имущество без ведомости мужа: «*Иванова Максимова через, прыятеля и опекуна своего <...> жаловала на учтывого Тишъка Зенов(ова), мещанина Могилевского, о томъ, ижъ купилъ у мене полотно локот чотырнадцат, за которое учинит, гр(о)ши двадцать два п(е)н(я)зи чотыры, нижли, не ведат зачымъ, гр(о)ши отдаи не хочет. В учтывы Тишъко поведил, иж она з мужомъ своимъ сторговали у мене домъ опрочъ пляцу, за которы задатку тое полотно мне она дала была. А сторона поведовая поведила, иж у него я дому ниякого не торговала и о томъ не ведаю. А мы, выслухавши жалобы и отпору стороны, обачаючы иж жона без ведомости мужа своего дому торговат не могла, с тей причины сказали, абы Тишъко той Ивановой за тое полотно тую двадцет два гр(о)ши п(е)н(я)зи чотыры за дву недели досыт учинил» [1, с. 285]. В то же время Иванова Максимова в данном деле выступает, в качестве продавца недвижимого имущества (в данном случае полотна), скорее всего она занималась ткачеством на дому и продавала свой товар.*

Исследования позволяют утверждать, что в рассматриваемое время существовали семьи, где имущество являлось совместной собственностью обоих супругов. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что нередко оба супруга выступали как равноправные партнеры. Например, они принимали на себя долговые обязательства: «*Я Федор Иванович, мещанин г(о)с(у)д(а)рьский мѣсца Могилевского, а я Маря Микитянка Казаковна, жона мененого Федора Ивановича, визнаваемъ сами на себе тымъ н(а)шимъ листомъ, иж есмо ку пилнымъ а великимъ потребамъ н(а)шимъ сполнымъ позычили и взяли руками своими у его м(и)л(о)сти Дмитра Василевича <...> двадцат и пет копъ гр(о)шей монеты и личбы великого князства литовского, в которой же суме п(е)н(я)зей завели и зставили и вжо зараземъ в моцъ подали есмо домъ н(а)шъ власны...*» [1, с. 248], выплата которых возлагалась на них обоих: «*Окула Василевич Пигор, бурмистръ мѣста Могилевского жаловалъ на Давыдовую Орсеньевича Соню о долгъ на листъ вызванный, позычанный еше в року семдесіатомъ, ижъ ему вина зостала посполокъ з мужомъ своимъ Давыдомъ Орсеньевичомъ двадцать пѣть копъ грошей литовскихъ, который вызнанный листъ и передъ врадомъ былъ покладанъ, въ которомъ се описалъ Давыдъ Арсеньевичъ, которого на тотъ часъ, не мамъ, на певный рокъ свой, то есть на день светого Николы минулого року семдесіатомъ отдаи и заплатити, а ижъ тотъ рокъ минулъ а тотъ Давыдъ, мужъ поменное Сони прочъ зшолъ не вчинивши досытъ ему бурмистру за тотъ долгъ свой. Жона се его постановивши передъ врадомъ черезъ опекуна ей з уряду приданого Исая Ивановича, ижъ была вина до того се доброволне знала, водлугъ которого признанья ее, урядъ войтовский на ней, которая се посполь з мужомъ своимъ за одного человека описала платити и досытъ чинити тую суму пенезей пѣть покъ грошей пану Окуле Василевичу...*» [8, с. 18]; заключали сделки по купле-продаже недвижимости: «*...Автушко Шестакович, мещанин Могилевский, весполок и з жоною своею Парасею Авхимовною яснее в голос тыми словы вызнали и так поведили, иж што дей маемъ пляц куплены от Петра Мокусовича, в которомъ пляцу мери прутов полтеря, лежащи тут в мѣсте Могилевскомъ <...> один и четверть, никому ничим не пены Ани никому ни в чомъ не заведаны и не отписаны, продали <...> п(а)ну Кузме Есмоновичу...*» [1, с. 267].

Имущественные взаимоотношения нередко являлись причиной разногласий между родственниками. Конфликтные ситуации зачастую приходилось разрешать в судебном порядке. Конфликты, затрагивающие имущественные интересы членов семьи, были связаны со следующими факторами:

1. Совместной экономической деятельностью членов одной семьи: «*...Яско Андреевич Ляхович жаловалъ на брата своего Нестера о томъ, иж з нимъ посполу торгуючи з одного, за него товаре роз-*

¹ Статьи «Саксонского зерцала» гласят: «Женщина не может быть представителем [говорителем] и не может приносить жалобы без опекуна» [12, с. 76]; «Девушки и женщины должны иметь опекуна при всяком иске потому, что нельзя опровергнуть свидетелями то, что они на суде говорят или делают» [11, с. 35].

номъ зашли две копе гр(о)ши, которых отдать не хочет. А Нестер поведил, иж я Яску брату своему винен в товаре копу гр(о)ши, а другой копы ему не винень. Што мы сказали, абы Нестер за ононую копу гр(о)ши, до которое знал, Яску заплатил за две недели, а иж до копу не знал, тот Нестер, мает присезу учинит на томъ, яко ему не есть винень копы гр(о)ши» [1, с. 278].

2. Долговыми обязательствами одного из родственников по отношению к другому: «...Настася Озарова, мещанка Могилевска, жаловала и оповедала на учтывого Кондрата Ошурковича, брата своего <...> о томъ, иж дей у мене позычил чотырох копъ гр(о)ши от ч(а)су давного, которых мне и до тых ч(а)сов заплатити не хочет...» [1, с. 53], либо передачей имущества на временное хранение: «...Федя жаловала через мужа своего Федора Демьяновича о томъ, иж дала до схованья матце своей Варце Ивановне Гарасимовой вачекъ, у котормъ было внафли серебряных позолотистыхъ петнацат и пол, коццо серебряно и ее серебряный, гр(о)шей готовых было у томъ варцу пят коп гр(о)шей петдесят семь, а што на палу носилъ коцца три серебряных позолотистых, денет московскихъ шесть, того тепер отдати не хочет...» [1, с. 440].

3. Имущественными претензиями одного из супругов по отношению к другому, возникающими после расторжения брака: «...Гаврило Скарубин, жаловал на зятя своего учтывого Исаака Ивановича о томъ, иж дей онъ дочку мою маючи за собою чсъ немалы в малженстве, тогда якъ она занемогла на очи, з нею се развелъ, а мне статку, што по дотце побрал, вернути не хочеть: овцы одное, свини одное, сукна сермяжного локот пяти а приплотку з овцы тройга ягнетъ, коровы четвертымъ летомъ, другое третелетнее, а трете телное...» (венчаный брак) [1, с. 46]; «Федко Тзнатович Яблонский мещанин Могилевский, жаловалъ и оповедаль о томъ, ижъ в небытности моей дома, вжо тому недел пят, як жона моя проч з дому утекла, якож забрала з собою напервей тисечу белки людцыны, соли белой за осмъ коп гр(о)шей, котлы чотыри, конов цыновых чотыри, мисс цыновых чотыри, сукман голубый люнскый, за который дано было полтери копи гр(о)шей...» (невенчаный брак) [1, с. 466]. Данный тип конфликтных ситуаций был характерен при распаде семьи, созданной без венчания в церкви.

4. Разногласиями, связанными с разделом наследственной массы: «учтивы Андрей Похобович чинил оповедане и светчене на учтывого Андрея Антоновича, штож дей дал есьми был за него в стан светы малженски дочку свою, по которой дал есьми сукню порпурияновую, черную корову, изголовье и перину, скриню, ино з Божого допущения сего света сошла, а маенность она при нимъ се остала, которая яко спадок на мене приходитъ, а он оддати не хочеть...» (конфликт между тестем и зятем) [1, с. 15]; «Авхимъ Молчанов, мещанин Могилевский, жаловал на невестку свою Хотимью о томъ, иж она скоро по смерти небожчика брата моего цотчоног(о) Васка Шпилевича в небытности моей на тот ч(а)с дома, домъ небожчиковский <...> и инии спретьень домовы продала <...> А учтивая Хотимья <...> поведила, иж тот домъ маю от небожчыка мужа своего духовницою отписаны и инии спретьень домовы, якож духовницу покладала на уряде...» (конфликт между невесткой и братом ее мужа) [1, с. 223]; «... Левко Семенович, мещанин Могилевский, жаловал на учтывого Зенка Семеновича, брата своего, о том, иж он, не ведаю для чого, дом по матце небожчыцы Улите Семеновой один держит и его ужывает, а мне части оног(о) дому поступити не хочеть...» (конфликт между братьями) [1, с. 400]. Исследования актовых книг Могилевского магистрата показывают, что данный вид имущественных разногласий был наиболее распространенным между родственниками.

Временами межличностные конфликты, о которых речь уже шла выше, влекли за собой и имущественные разногласия: «...Хветко Петрович, мещанин Могилевский, жаловал на учтывого Алисе Семеновича <...> свата своего, о томъ, иж далъ дочь свою за сына его Гаврила в стан малженски, якож по дочце даючи, далемъ до рук его самого две копе гр(о)ши двадцат и корову, нижли он у дому своем сына своего и з дочкою моею ховати не хотечи, проч от себе выгнал, а оных дву копъ и гр(о)ши двадцат и коровы моей отдати не хочет. А учтивы Алисей, чинечи отпоръ <...> поведил, иж яко сына своего, так и дочки его а невестки своей з дому не выгоняль, одно сами от мене по доброй воли отошли <...> а гр(о)ши тых <...> отдалъ сыну своему Гаврылу, а корову сын у Боровичах менил на иншую и двадцат гр(о)ши принял, которые он на свою потребу обернул. Але сын его <...> поведил, же тых гр(о)ши от него не бралъ и коровы не заменявал...» [1, с. 223 – 224]. В данном случае межличностный конфликт между семьей сына и его отцом Алисеем привел к тому, что возникли имущественные разногласия между родителями молодой пары. Подобные ситуации имели место и между более близкими родственниками. Так, могилевский мещанин Стефан Сидорович подал в суд на своего сына: «...Стефан Сидорович, мещанин Могилевский, жаловал на Ждана сына своего о томъ ижъ он без ведомости его, яко господара домового, з дому проч вышол и речей не мало выпроводилъ и при мне дей мешкати не хочеть. А усчтивый Ждан поведил, ижъ дей я з дому от отца не выходилъ и речей нияких не выносил, але жона дей моя речы свои вынесла, а не отцовския, нижли я, бывшы у приятеля своего, коли пришил до отца до дому, тогда он мене самъ у домъ пустит не хочеть, ожемъ мусиль ночоватъ у пана бурмистра...» [1, с. 321]. Здесь, как и в первом случае, мы сталкиваемся с конфликтом отцов и детей (невестка, жившая под одной крышей со своим

свекром, в результате конфликта покинула дом). Однако здесь уже имущественные противоречия возникли между отцом и сыном, что повлекло за собой обращение первого в суд.

Не последнюю роль в формировании имущественных взаимоотношений в рамках отдельно взятой семьи играл правовой статуса собственности. Так, для городов характерно наличие двух видов собственности: наследственная и приобретенная. Последняя могла продаваться, дариться, передаваться по наследству, по усмотрению владельца [13, с. 177]. Так, в январе 1578 года: «...*Богданъ Кабонинич, мещанин Могилевский, самъ по своей доброй воли, ани з якихъ примусов <...> поведаль, иж дей маю пляцъ мой властны отчизны в месте Могилевскомъ, <...> которого пляцу спустил половицу, то есть прutow тры учтивому Ивану Микитину, зятю своему <...> на вечность его отдаляючи самъ от себе, жоны, детей и всихъ близких <...> привлацаючи тые тры прutow тому Ивану Микитиничу ему самому, жоне его Мари, дитемъ и от держачимъ вечно» [1, с. 161]. В пользу того, что данная недвижимость являлась приобретенной собственностью, говорят слова «*маю пляц мой властный*», если бы речь шла о имуществе, полученном в результате наследования, то использовалось бы выражение «*маю пляц мой ойчистый*».*

Несколько сложнее обстояло дело с наследственной собственностью (здесь прежде всего речь идет о недвижимости). Возможность ее отчуждения была ограничена. Это было обусловлено тем, что совершать какие-либо сделки, затрагивающие недвижимость, относящуюся к наследственной массе, было возможно только с согласия наследника [13, S. 175]. Так, могилевский мещанин подал иск в суд, с требованием аннулировать сделку, совершенную его матерью: «...*Мацко Кондратович, мещанин Могилевский, оповедаль о томъ, ижъ еще я в молодых летех своихъ пошол есми был на низ для твиченья ремесла, и тамъ есми был через лет чотыри, то пак в небытности моей дома, матка моя Устиня домъ мой властный отчизный, который был отец небожчык Кондрат мел правомъ купным куплений <...> зо всимъ будованьем на томъ пляцу збудованомъ, без воли и ведомости моее матка моя Арехву Зенов, мещанину Могилевскому, зоставила у двадцати гр(о)шей, которого дому моего и тепер Арехва яко заставы вернут не хочет...*» [1, с. 459 – 460]. Залог дома носил незаконный характер, а потому сделка была бы расторгнута, если бы не то обстоятельство, что истек срок давности: «*А так мы, выслужавшы жалобы и отпору стороны, обочаючи то, иж он, Митко, будучы под одним правомъ, не толко через рокъ, але через три годы в молчанью был и тог(о) се дому не упоминал у дуржачого; а к тому, иж тотъ ани листовног(о) запису заставног(о) не оказал, с тей причыныног(о) Радка, яко держачог(о), при томъ дому за тым листомъ сказали и волног(о) держанья ему допустили...*» [1, с. 467]. Кроме этого, между родственниками формировался целый спектр взаимоотношений, обусловленных наследственным правом, прежде всего это возможность выступать как в качестве наследодателя, так и наследника. Любой член семьи имел право завещать принадлежащее ему имущество. Горожане, чувствуя приближение смерти, составляли завещания, в которых высказывали свою последнюю волю относительно имеющегося имущества: «*Олена Митковая <...> на теле хорая, але на умысле здорова, пры памети доброй и забегаючи в ч(а)сь великимъ трудностямъ, ростыркомъ, незгодомъ, которые се деет звыклы межы близкими кровными, повинными, приятел(я)ми без всякого врьядового росправенья з сего света зыти мела, а покой межю детми близкими зоставит, таковы тестамент учинила...*»; «*учтивы Семен Микитинич, мещанин и рыболов места Могилевского, на тот час от П(а)на Бога немочю навежоный и хоробою обложносю зложоный, алена умысле здоровый, жедаючи о приданье уряду, перед которыми мог он волю свою остаточную ознаймит <...> забегаючи в час великимъ трудностям, ростыркомъ и незгодомъ, которы се деть звыклы межы братю, близкими кровными, без всякого врьядового росправенья зыти мел, а покой жоне и детямъ зоставить...*» [1, с. 136, 566]. Как видим, необходимость составлять завещания и распоряжаться своим имуществом еще при жизни, была обусловлена стремлением сохранить мир и спокойствие в семье. Однако, как показывает изучение актовых книг Могилевского магистрата, это не всегда спасало от конфликтных ситуаций, возникавших между родственниками.

В качестве наследников выступали прежде всего дети, поскольку исследование архивных материалов позволяет нам с уверенностью утверждать, что в рассматриваемое время наследование велось по прямой линии: «*Игнатъ Чемерович <...> таковы тестаментъ учинил, иж найпервей домъ свой властны с пляцомъ, зо всимъ будованьемъ на томъ пляцу збудованом, и з огородомъ до того дому належачимъ <...> никому ничимъ не пены ани заведены, тот домъ сыномъ своимъ Гришки а Федору Игнатовичомъ отписал и полетил...*» [1, с. 128]. Такой порядок наследования позволял горожанам оставлять завещания и в пользу внуков. Так, Олена Митковая: «*таковы тестамент учинила, иж найпервей домъ свой властны <...> которы се домъ ей по смерти небожчыку мужу ее Митку Сисоевичу досталь, такъ пляцу и огорода, што до того дому належит, учтивому Купре Мицьковичу, сыну своему рожон(ом)у <...> половину во всемъ дому отдала и отписала, а другую половину тогож дому <...> Степаниде унуце ее...*» [1, с. 136]. Как видим, в данном случае женщина перед смертью поделила свое имущество между сыном и внучкой. В качестве наследников могли также выступать приемные дети: «*Ждан Мишкович <...> таковы тестамент учинил, иж найпервей домъ свой властны с пляцомъ и зо всимъ будованьемъ, што колвекъ на*

томъ пляцу збудовано, и з огородомъ до того дому належачимъ, никому ничимъ не пены ани заведены, <...> отписал и полетил, отдаляючи од близких кровных, повиноватых своих к тому и огородъ <...> такъ теж и маетность убогую и спрет домовы, то все жоне отписалъ, которой волно будетъ <...> отдать, продать, даровать и ку своему лепшому пожитку обернуть, яко сама налепей похочеть. А которое дитя взял был себе за сына, Яцька, тое мает при жене быть, яко пры матце свое мешькати, кдыжь ее влатьное дитя, которы кды доростет лет, мает его matka дать на науку якогж колвекъ ремесла» [1, с. 83 – 84].

В случае отсутствия наследников по прямой линии в права наследства вступали другие родственники. Отец наследовал своим детям, причем имел преимущественное право наследования перед матерью и всеми остальными родственниками, а если к этому времени и отец умер, то такие же права получала мать: «...Ивашько Васковичъ Дробышевичъ, мещанинъ Могилевски, жаловал на невестьку свою Котушу о томъ, штогж дей она по смерти брата моего Юшка, которы умеръ на дорозе <...> у месте Луцьскомъ и амь, будучи вжо хори, волю свою остаточную на тестаменте описал, што се вжо водлугъ опису на ономя тестаменте все выполнилося, нижли што были дети небожиковские недорослые осталы, тогда я для тых детей учинилемъ былъ постановенъе з невестькою, же ей волно было мешкать при детяхъ в ономя дому брата моего до леть зуполных детинныхъ; нижли теперъ дети небожика брата моего померли, а она за иншого мужа пошла и тотъ домъ у своемъ держанью и теперъ мает, которого мне. Яко близкосты по брате моемъ, поступити не хочеть. А сторона отпорная Котуша через мужа своего Андрея Отрошьковича, <...> просила, абы былъ читанъ тестаментъ небожиковски и примимъ захована была. Которы на уряде покладанъ былъ <...> у котором тестаменте пишеть о маетности своей, полежаючи товаришомъ своимъ в моцъ, иж бы тот товаръ в целости до Могилева довели и тамъ его отдали в руки брату его Ивашьку, жебы теж он долги небожиковские поплатилъ, а иншии речи, товаръ и гр(о)ши готовые жоне и детемъ тое отдали. А к тому Котуша поклала выпись с книгъ справ майдебурскихъ место гдрьского Могилевского <...> у которомъ пишеть, иж урядъ порядившисе з Статутомъ права майдебурского, тот спадекъ по детехъ при Катущи зоставилъ» [1, с. 77 – 78]. В то же время отец, мать, братья и сестры умершего имели одинаковые права при наследовании по усопшем сыне: «Иванъ а Тимошко Бутаки жаловали на братанича своег(о), иж он дей весполк з братомъ своимъ старшимъ Амеляномъ и з маткою у дому том, в которомъ тепер мешкают сами, што намъ прийдет по отцу нашом Кондрату, части дву поступити не хочет, кдыж мы по смерти отца своего з братомъ своим Миткомъ, а з их отцомъ, такое застановене учынили были, иж ему допустили мешкати у томъ дому, а мы мешкати мели у другомъ дому отцовскомъ <...> мы з нашею братею <...> дела ровного не мели <...> А Демид, братаничъ их <...> поведил, иж я дей от отца своего Митка отчыстым правом держу, а того не ведаю, есмь межы собою они з отцомъ моимъ який дель мели и о постановеню тог(о) не ведаю <...> Што я, весполк з радою мескою, намовившисе межы собою. А обочаючи то, иж никто отчызны своей тратит не может <...> сказал есмь Бутакомъ присегу, которую чають учынити самотрет <...> а кдыж они присегу учынять, тогда тамъ у томъ дому, яко в будованью и в пляцу, дву части мети матют...» [1, с. 477 – 478].

В последнюю очередь получить наследство имели право супруги: «...ставши очевисто учтивы Федор Санкович, мещанин Могилевский, жаловал на учтывого Васка Манковича о томъ, иж он жоне его водлугъ тестаменту небожчика Охрема Парфеновича, мужа ее, маетности отписанной поступит и отдаст не хочет. А сторона обжалована(я) просила року на отказъ...» [1, с. 242]; «Олена Митковая <...> таковы тестамент учинила, иж найпервей дом свой властны, тут в месте г(о)с(у)д(а)рьском Могилевскомъ лежащи на улицы Кнежитской <...> которы се домъ ей по небожчику мужу ее Митку Сисоевичу досталъ, того дому всего, яко будованья на томъ пляцу збудованомъ, такъ и пляцу и огорода. Што до того дому належит, учтивому Купре Мицьковичу, сыну своему рожон(ом)у для его против себе упреймое веры, зычливости и услугованья зо всимъ правомъ панствомъ такъ, яко сама от небожчика мужа своего Митка Сисоевича мела того дому, яко се вышей поменило, тому верхъ преречоному Купре половину во всемъ дому отдала и отписала...» [1, с. 136]. Как видим, в последнем случае могилевчанка получила в наследство от своего мужа недвижимость. То же обстоятельство, что у наследодателя были дети, а он составил завещание в пользу своей супруги, могло быть обусловлено либо тем, что его дети к тому времени уже были отделены и жили своими собственными семьями, а потому не имели права на наследство [15, S. 181 – 182], либо тем, что данная недвижимость была приобретенной, что позволило ее владельцу распорядиться ею по своему усмотрению.

Стоит отметить, что в случае отсутствия у супружеской пары потомства супруг не мог наследовать за своей женой все имущество в полном объеме. Из него выделялась «женская доля» и приданное покойной, которые получала сестра усопшей или ближайшая родственница. Так, в 1578 году могилевская мещанка Поладья Иевлевна: «жаловала и оповедала на Семена Целепнина <...> зятя своего бывшего о томъ, иж дей онъ по смерти дочки моей внесене ее иншое мне вернул, а другого есче не вернул, которое и тепер у него есть и отдасти не хочет, то есть котла поставног(о), перин, узголова, скатерти,

сорочок двух, наметок <...> А уряд, выслухавши жалобу <...> и обачаючы, иж по смерти жоны мает остат у мужа ложе устлано, а иж иншыя речы вернул, уряд волным учынил Семена Целепня...» [1, с. 150].

Исследования актовых книг Могилевского магистрата позволяют сделать следующие **выводы**:

- 1) в XVI – XVII века имущественные взаимоотношения в семье зависели от того, являлось ли имущество совместной собственностью супругов или каждого из них в отдельности;
- 2) каждый из супругов имел право распоряжаться собственностью, принадлежащей только ему, хотя и имелись некоторые ограничения, обусловленные формальной опекой со стороны мужа;
- 3) на право распоряжаться недвижимой собственностью накладывал отпечаток статус этой собственности;
- 4) имущественные разногласия, возникавшие между родственниками, зачастую приходилось разрешать в судебном порядке. Наиболее частыми были разногласия, связанные с разделом наследственной массы;
- 5) временами межличностные конфликты, возникавшие в семьях, давали толчок к возникновению еще и имущественных противоречий;
- 6) каждый член семьи мог выступать как в качестве наследодателя, так и наследника. Хотя стоит отметить, что в рассматриваемое время существовал определенный порядок наследования, что накладывало некоторые ограничения на возможность распоряжаться наследственным имуществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
2. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах. – Мінск: ТАА «Тіпаграфія ПОЛИТМАГ», 2002. – 459 с.
3. Беларусы: у 9 т. / рэдкал.: В.К. Бандарчыка [і інш.]. – Мінск: Бел. навука, 1995 – 2006. – Т. 5: Сям'я / В.К. Бандарчык, Г.М. Курьловіч, Т.І. Кухаронак; пад рэд. В.К. Бандарчыка [і інш.]. – 2001. – 375 с.
4. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / пад рэд. В.К. Бандарчыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
5. Дзэрбіна, Г. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. Дзэрбіна. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.
6. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 9: Приходорасходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635 – 1646 гг. / под ред. Созонова, 1878. – 546 с.
7. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 10: Приходорасходная книга г. Могилева за 1695 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1646 – 1706 гг. / под ред. Созонова, 1879. – 554 с.
8. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 30: Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592 – 1796 гг. / под ред. Д.И. Довгялло, 1903. – 360, 164 с.
9. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
10. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII – XVIII стагоддзях: людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Мінск: Веды, 1998. – 260 с.
11. Эйке из Репкова Саксонское зеркало: в 2-х ч. / пер. Л.И. Дембо. – М.: Наука, 1985. – Ч. 1: Земское право: в 3-х кн. Кн. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frameset1.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007.
12. Эйке из Репкова Саксонское зеркало: в 2-х ч. / пер. Л.И. Дембо. – М.: Наука, 1985. – Ч. 1: Земское право: в 3-х кн. Кн. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frameset2.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007.
13. Bardach, J., Historia państwa i prawa Polski od połowy XVI do r. 1795 / J. Bardach. – Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1957. – 549 s.
14. Groicki, B., Tytuły prawa majdeburkiego od Obrządku i do Artykułów, pierwiej po polsku wydanych, w sprawach tego czasu nawięcej kłopotnych z tego prawa majdeburkiego przydane / B. Groicki. – Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1954.
15. Groicki, B. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburkiego w Koronie Polskiej / B. Groicki. – Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1953. – 258 s.

Поступила 29.05.2008